
УДК 82+821.161.1+2-1
ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2
DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-98-108

Валентина Сергеева

Рогожин и Христос: опыт интерпретации

Valentina Sergeeva

Rogozhin and Christ: an Attempt of Interpretation

Об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра «Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, Москва.

E-mail: yogik84@mail.ru

Аннотация: В данной статье предпринята попытка интерпретации одной из финальных сцен романа Ф.М. Достоевского «Идиот» как параллели к событию евангельской истории – со-распятию Христа и благоразумного разбойника. Возможность такого истолкования, на наш взгляд, допускается определенным соотношением главного героя романа с Христом, которое делает автор, а кроме того – явными отсылками к библейской сцене Распятия, которые можно проследить в деталях, описывающих последнюю встречу Мышкина и Рогожина (причем эти детали, акцентированные Достоевским, отсылают, в том числе, к визуальному воплощению Распятия в иконографии). Успешность или неуспешность пути «князя Христа» в этом случае воспринимается в свете того, какое воздействие оказывают последние действия Мышкина «в мире людей» на Рогожина. Если от благоразумного разбойника требуется усилие покаяния, чтобы признать и исповедать Христа, то Христос, в свою очередь, принимает его в любви и сострадании, невзирая на прошлые преступления – и именно это делает Мышкин, предположительно, давая Рогожину возможность очищения и выхода в «жизнь новую».

Ключевые слова: Достоевский, «Идиот», Евангелие, распятие, икона, благоразумный разбойник.

Для цитирования: *Сергеева В.С.* Рогожин и Христос: опыт интерпретации // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2(6). С. 98–108.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-98-108

About the author: Valentina S. Sergeeva, Candidate of Philological Sciences, Senior Research Assistant of the Centre “Dostoevsky and World Culture” (IWL RAS, Moscow), translator.

E-mail: yogik84@mail.ru

Abstract: This article attempts to interpret one of the final episodes of F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot* as a parallel to an event of Evangelic story, namely the co-crucifixion of Christ and the Good Thief. The possibility of such interpretation, in our opinion, is allowed by a certain correlation made by the author between the main character of the novel and Christ, and also by clear allusions to the Biblical scene of Crucifixion that can be traced in details describing the last meeting of Myshkin and Rogozhin (what's more, these details, highlighted by Dostoevsky, refer also to the visualization of Crucifixion in iconography). Successfulness or unsuccessfulness of "prince Christ" therefore is perceived in the light of the effect made on Rogozhin by Myshkin's last deed in the world of men. If the Good Thief should do an effort of repentance, Christ, on the other hand, accepts him with love and compassion despite all his past crimes – and Myshkin does the same, supposedly, giving Rogozhin a chance of purification and entering the new life.

Key words: Dostoevsky, *The Idiot*, Gospels, crucifixion, icon, the Good Thief.

For citation: Sergeeva V.S. Rogozhin and Christ: an Attempt of Interpretation. *Dostoevsky and World Culture*, 2019, No 2(6), pp. 98–108.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-98-108

*Князь Мышкин висит на кресте
с жителем Земли разбойником
Рогожиным. Христос и благоразумный
разбойник – тема романа.*

(Анонимная читательская рецензия с книжного сайта «Лабиринт»)

Вопрос, в какой мере финальные сцены «Идиота» можно считать иллюстрацией поражения «князя Христа» и в состоянии ли герои романа воскликнуть, вслед за Иоанном Златоустом: «Ад! где твое жало? Смерть! где твоя победа?», вряд ли можно назвать простым. В любом случае, представляется несомненным, что особенное внимание – памятью о хриstopодобии Мышкина, по замыслу автора (или, во всяком случае, «присвоении» им подобия Христа) – следует обратить на эти финальные эпизоды. С данной точки зрения в истории князя Мышкина они важны точно так же, как значимы последние дни в земной жизни Христа, предшествующие ключевым событиям христианской истории – смерти и воскресению Спасителя.

Во многом «Идиот» – роман о несостоявшемся и несбывшемся. О несостоявшемся пути Христа, о несостоявшемся «князе Хри-

сте» – «неудачном строителе Храма Богородицы» [Касаткина, 2004, с. 171]. Страстная любовь к Настасье Филипповне, что не раз отмечалось исследователями [см., например: «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот”. Современное состояние изучения»], ни для кого не оказывается спасительной; сомнительна судьба Аглаи; Рогожина не удается удержать от совершения убийства; не воскрешен «сын вдовы» – Ипполит Терентьев (более того, именно ему Мышкин говорит, казалось бы, необъяснимо и немислимо жестокою вещь: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье» [Достоевский, 1972-1990, т. VIII, с. 433]). И так далее. Финал романа – цепная реакция бедствия или, во всяком случае, тяжелых событий, которая едва ли не заставляет читателя забыть о цепной реакции *добра*, запущенной Мышкиным и заключающейся, прежде всего, в его воздействии на молодое поколение романа (Веру Лебедеву, Колю Иволгина – наиболее потенциальных его представителей).

Дело, впрочем, не в том, что Мышкин «не избег» безумия (что до определенной степени говорит о проваленной миссии). Ведь и Христос не предотвратил собственной гибели, хотя Ему и предлагали это сделать, то есть сойти с креста и спасти себя. А если Мышкин не предотвратил преступления Рогожина и смерти Настасьи Филипповны, хотя (очевидно) предчувствовал трагедию с самого начала, буквально с первой встречи, настолько, что практически «переадресовал» Рогожина с ножом, то и Христос не «предотвращает» гибели мира, идущего к Страшному Суду во всем безобразии своих преступлений и грехов.

Дело в том, что успеваает сделать князь Мышкин накануне «гибели».

Как мы помним, последнее благое деяние, совершенное Христом перед смертью (да и в принципе *последнее* Его деяние) – это общение с разбойником:

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: «если Ты Христос, спаси Себя и нас».

Другой же, напротив, унимал его и говорил: «или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

(Лк. 23:32-43)

Сразу вслед за этим эпизодом в Евангелии от Луки говорится следующее: «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась по середине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух». То есть, диалог с разбойником непосредственно предшествует смерти Христа; последнее, что делает умирающий на кресте Христос, так это спасает распятого рядом с Ним разбойника и душегуба и вводит в рай вместе с собой.

Иоанн Златоуст в первой беседе о «О кресте и разбойнике» говорит: «Так как печально было зрелище, то чтобы ты обратил внимание не на естество креста, а познал могущество Распинаемого, Он совершает на кресте это чудо, особенно обнаруживающее Его силу. Не мертвого воскрешая, не морю, ни ветрам повелевая, не демонов изгоняя, а, будучи распинаем, оскорбляем, оплевываем, поносим, бесславим, Он мог переменить порочную душу разбойника» [Иоанн Златоуст].

«Разбойничий» сюжет в отношении Рогожина во многом лежит на поверхности. Вот лишь некоторые примеры: так, А. Мановцев в сборнике «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот”. Современное состояние изучения» (2001) пишет о последней встрече Мышкина и Рогожина у тела Настасьи Филипповны как о сораспятии разбойника и Спасителя; Р.Х. Якубова рассматривает рецепцию Достоевским романтической повести Шарля Нодье «Жан Сбогар», главный герой которой – таинственный молодой богач Лотарио, он же атаман разбойников, влюбленный в юную Антонию; в статье «От образа к архетипу» (2008) исследовательницы Н.А. Бирюзова и Д.У. Якибова, говоря о Парфене Рогожине, упоминают библейский образ разбойника, распятого со Христом; М.Г. Уртминцева в «Визуальных образах и “узлах” сюжета в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» пишет о сцене в вагоне поезда, где Мышкин находится между двумя «разбойниками» – Рогожиным и Лебедевым (подобно Христу, он оказывается распят между преступниками, с той разницей, что, по мнению автора, это происходит не в финале, а в начале пути «князя-Христа» – это так называемое развертывание обратной перспективы). Наконец, в сетевом издании «Ф.М. Достоевский. Антология жизни и творчества» В. Свительский в статье, посвященной «Идиоту», напрямую называет Рогожина *неблагодарным* разбойником.

Что наводит на мысль о соотнесенности последней встречи Мышкина и Рогожина с распятием, и о том, что в этой сцене Рогожину, как представляется, недвусмысленно отведена роль одного из сораспинаемых? В Евангелии от Луки эпизод распятия представлен следующим образом: «Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону» (Лк. 23: 32-33; далее, собственно, идет процитированный выше эпизод: «один из повешенных злодеев злословил Его», и проч.).

Обратимся к тексту «Идиота»:

– Потому оно, брат, – начал вдруг Рогожин, уложив князя на **ле-
вую, лучшую подушку и протянувшись сам с правой стороны**, не раздеваясь и закинув обе руки за голову, – ноне жарко, и, известно, дух... [Достоевский, 1972-1990, т. VIII, с. 505]

Картина, обрисованная Ф.М. Достоевским, вполне опознается как распятие. Для того, чтобы произошло узнавание, и нужны эти подробности – буквально, демонстрация читателю того, кто с какой стороны лежит, укладывание князя на лучшее место (точно так же, как Христос был распят на «выигрышном» месте, в середине) и вдобавок таким образом, что Рогожин оказывается справа, причем это явно акцентируется автором, так, чтобы не остаться незамеченным. Здесь же – неподалеку, незримо – витает и «дух». В аналогичном библейском эпизоде этот дух тоже появится, как мы помним, скоро.

Кроме того, «закинув обе руки за голову» – это описание одной из возможных поз¹, в которых в классической иконографии, русской и западноевропейской, изображают распятых разбойников. Зачастую их принципиально не писали в той же позе, что и Христа, наглядно подчеркивая разницу между ними – Спаситель спокоен и умиротворен, разбойники корчатся, руки Христа прямые и распростерты, руки разбойников заломлены, скручены, и т.д. Христос, в свою очередь, часто изображается обращенным лицом или корпусом в сторону благоразумного разбойника. Рогожин, создавая весьма узнаваемую мизансцену, своим поступком то ли признает в Мышкине «князя Христа», то ли в отчаянии сам пытается назначить его им, переводя происходящее в самый высокий регистр.

¹ Например, у Андреа Мантенья, см. ниже.

Распятие. Андреа Мантенья (1457-1459). Лувр

Что получается, если читать евангельскую (и достоевскую) историю не с точки зрения того усилия покаяния, которое делает разбойник, а с точки зрения того «спасительного» (или «спасающего») усилия, которое делает Христос?

Новое, грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце; он вдруг понял, что в эту минуту, и давно уже, всё говорит не о том, о чем надо ему говорить, и делает всё не то, что бы надо делать, и что вот эти карты, которые он держит в руках и которым он так обрадовался, ничему, ничему не помогут теперь. Он встал и всплеснул руками. Рогожин лежал неподвижно и как бы не слышал и не видал его движения; но глаза его ярко блистали сквозь темноту и были совершенно открыты и неподвижны. Князь сел на стул и стал со страхом смотреть на него.

<...> Рогожин не поворачивал к нему головы и как бы даже и забыл о нем. Князь смотрел и ждал; время шло, начинало светать. Рогожин изредка и вдруг начинал иногда бормотать, громко, резко и бессвязно; начинал вскрикивать и смеяться; князь протягивал к нему тогда свою дрожащую руку и тихо дотрогивался до его голо-

вы, до его волос, гладил их и гладил его щеки... больше он ничего не мог сделать! Он сам опять начал дрожать, и опять как бы вдруг отнялись его ноги. Какое-то совсем новое ощущение томило его сердце бесконечною тоской. Между тем совсем рассвело; наконец он прилег на подушку, как бы совсем уже в бессилии и в отчаянии, и прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли из его глаз на щеки Рогожина, но, может быть, он уж и не слышал тогда своих собственных слез и уже не знал ничего о них....

По крайней мере, когда, уже после многих часов, отворилась дверь и вошли люди, то они застали убийцу в полном беспамятстве и горячке. Князь сидел подле него неподвижно на подстилке и тихо, каждый раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провести дрожащею рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его [Достоевский, 1972-1990, т. VIII, с. 506-507].

Эти слова – «в эту минуту, **и давно уже**, всё говорит не о том, о чем надо ему говорить, и делает всё не то, что бы надо делать» – да еще в столь значимой точке, казалось бы, и наводят на мысль о провале, о несвершившемся и несостоявшемся, более того, осознаваемом как провал и крах. Ведь Мышкин *только лишь* и может, что гладить полуобезумевшего Рогожина по голове («больше он ничего не мог сделать»). Однако последнее, что успевает сделать Мышкин – буквально, отдав на это последние силы, исчерпавшись до конца – это, по образцу своего великого первоисточника, спасти душу Рогожина любовью и состраданием. Преступление Рогожина очевидно; невозможно и ему, как Настасье Филипповне, сказать «вы ни в чем не виноваты» [Достоевский, 1972-1990, т. VIII, с. 142] – да Рогожин и не нуждается в успокоении (более того, в случае с Настасьей Филипповной попытка успокоить разбушевавшуюся, больную совесть сыграла мало не роковую роль).

Тем не менее, уже на грани и за гранью собственного безумия (своей «смерти» для мира людей, после которой князь закономерно этот мир покинет) Мышкину предстоит принять Рогожина *как брата, в любви*, не просто буяна и кутилу, купеческого сына, разудалого и мрачно привлекательного «самородка», но сознательного убийцу, рядом с трупом его недавней жертвы. Точно так же, как последнее, что делает Христос, – это спасает распятого рядом с Ним разбойника, так и Мышкин последними жизненными силами спасает душу *другого*, более того – душу преступника, облакая его состраданием,

любовью и прощением, плача вместе с ним – спасает, по сути, ценой себя. Наконец-то – спасает. Продолжая, как на всем протяжении романа, дело Христа (в первую очередь, сочувствуя, сострадав, соучаствуя в страдании, возможно даже сильнее и «явленной», чем тот, кому, собственно, сострадают) – князь, через соучастие в смерти, выводит своего спутника и товарища по казни и умиранию в «жизнь новую».

Такова мера сострадания: Мышкин, как ребенка, гладит Рогожина по голове и успокаивает, потому что рогожинской душе – душе убийцы – сейчас *гораздо хуже*, чем ему. Христос, умирающий страшной, мучительной крестной смертью, страдая от боли, жажды и удушья, говорит: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23: 34) – а потом говорит раскаявшемуся разбойнику то единственное и главное, что имеет для этого человека, исповедавшего Христа, смысл здесь и сейчас, то единственное, что может дать радость и свет его душе: ныне же будешь со Мною в раю.

Однако покаяние разбойника безусловно; но видим ли мы покаяние Рогожина, необходимое для того, чтобы войти в рай и быть со Христом? Видим, во всяком случае, как в «Преступлении и наказании» (а потом и в «Братьях Карамазовых»), болезнь как действие греха в человеке, наглядную демонстрацию физической и психической невозможности оставаться целым и здоровым после перехода определенной черты. Параллель между болезнью и грехопадением, отнятием истинной жизни у прародителей в раю проводилась неоднократно, в том числе и в эпоху Достоевского; к примеру, писал об этом знаменитый проповедник и богослов святитель Иннокентий Херсонский («О грехе и его последствиях»).

Все рождается, как учит Писание, уже умерщвленными грехом. Ни в ком из нас нет той святой и блаженной жизни, коей наслаждался человек вначале и какая прилична всем нам, яко созданным по образу Бога всеблагого и всеблаженного. Жизнь сия потеряна в раю вместе с невинностью. Настоящая же жизнь наша есть только один жалкий ее остаток, есть не столько жизнь, сколько постоянное умирание. Если бы нам дано было хотя на один день пожить одной первобытной блаженной жизнью, коей жили до падения наши Прародители, тогда бы мы увидели вполне, можно ли грешить и не умереть, ибо со грехом тотчас бы лишились оной жизни и подверглись смерти. <...>

Ибо, посмотрите, как грех и теперь сам по себе, где можно, сразу добывает безжалостно в человеке весь остаток жизни временной. Так например, не умирают ли и ныне в одну минуту от сильного гнева? Даже некоторые невинные чувства, коль скоро выходят за пределы и след, принимают вид и свойство греха, делаются смертоносными, например, чрезмерная радость и смех! Здесь опять смерть и грех вместе, – и какой грех? Можно сказать только тень его, но и та убивает.

Случаев столь разительных не много, но будем ли жалеть, что их не много? Ибо, что было бы с нами, если бы их было много? Это действие, как заметили мы, милосердия Божия, оставляющего место покаянию для грешника. Впрочем, если другие и не умерщвляют нас каждый раз, подобно гневу, до смерти, то всегда отъемлют часть нашей жизни, так что если бы при конце ее свести верный и точный счет, то оказалось бы, что вся она разобрана по частям грехами и страстями: это погибло от любострастия, другое от зависти, иное от высокомерия, это от скупости и т.д. [Иннокентий Херсонский]

Тело и душа как будто сами напоминают своему обладателю обо всей мере допущенной внутрь скверны. Или же, Рогожин, буквально, «приняв дух» в «лице» своё («<...> прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина»), должен прежде, как прививку, вживить в себя дыхание жизни (и перенести реакцию), после чего уже осознанно начать собственный крестный – апостольский – путь.

Он не противоречил ловкому и красноречивому своему адвокату, ясно и логически доказывавшему, что совершившееся преступление было следствием воспаления мозга, начавшегося еще задолго до преступления вследствие огорчений подсудимого. Но он ничего не прибавил от себя в подтверждение этого мнения и по-прежнему, ясно и точно, подтвердил и припомнил все малейшие обстоятельства совершившегося события. Он был осужден, с допущением облегчительных обстоятельств, в Сибирь, в каторгу, на пятнадцать лет, и выслушал свой приговор сурово, безмолвно и «задумчиво» [Достоевский, 1972-1990, т. VIII, с. 507-508].

Какой рай (куда вполне логично попасть вслед за распятием) возможен для героев «Идиота»? Мышкин возвращается в свой рай – обетованную Швейцарию, к своему, по сути, творцу. Шнейдер, или

Шнайдер, переводится с немецкого как «портной» – и здесь представляется уместным вспомнить метафору Бога как создателя человеческого тела, «одежды»². Рогожину предстоит выздороветь и пережить суд и наказание (в конце концов, ему сохранены жизнь и здравый рассудок). Нам неизвестно, что будет с Рогожиным дальше, за пределами рассказанного в романе, в течение этих пятнадцати лет, однако в художественном универсуме Достоевского существует «Мертвый дом» и история про возможное обретение рая *там*, где, казалось бы, царят ярость и уныние. История Раскольниковова также обрывается перед читателем в Сибири, в тот момент, когда главный герой, пережив сильнейшее потрясение, оказывается на пороге «поэтапного перерождения».

Учитывая всё то, что значит каторга в художественном мире Достоевского – она может стать местом отчаяния (адам) или местом спасения (раем), как свидетельствуют «Записки из Мертвого дома» и «Преступление и наказание». Путь Рогожина – благоразумного разбойника, чей крест, цитируя святителя Феофана Затворника, есть крест очищения себя от страстей – завершен для читателей, но не окончен для него самого.

Список литературы

Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.

Иннокентий Херсонский – *Иннокентий, свт.*, архиепископ Херсонский и Таврический. О грехе и его последствиях. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Hersonskij/o-grekhe-i-ego-posledstvijakh/#0_9 (дата обращения: 14.03.2019)

Иоанн Златоуст – *Иоанн Златоуст, свт.* О разбойнике. URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/yoann_zlatoust/2_1/41_1/ (дата обращения: 14.03.2019)

Касаткина, 2004 – *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 479 с.

² «Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня? Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотию одел меня, костями и жилами скрепил меня?» (Иов 10:9). Кроме того, Бог выступает как портной и после грехопадения, облакая падших людей в тленную плоть: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» (Быт. 3: 21).

References

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990 (In Russ.)

Innokentii, svt., arkhiepiskop Khersonskii i Tavricheskii. *O grekhe i ego posledstviakh* [About sin and its consequences]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Hersonskij/o-grekhe-i-ego-posledstvijakh/#0_9 (accessed: 14.03.2019) (In Russ.)

Ioann Zlatoust, svt. *O razboinike*. [About the thief]. Available at: http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/2_1/41_1/ (accessed: 14.03.2019) (In Russ.)

Kasatkina T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [About the creating nature of the word. Ontologiness of the word in F.M. Dostoevsky's works as the basis of the "realism in the higher sense"]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004. 479 p. (In Russ.)